

Лия Султан

Его последняя
Любовь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лия Султан
Его последняя любовь

«Автор»

2026

Султан Л.

Его последняя любовь / Л. Султан — «Автор», 2026

— Я никогда не танцую, маленькая. Холодно обрубая, понимая, что если бы не здесь, не сейчас, не в присутствии ее родителей, я бы давно забрал ее. Себе забрал. Она прищуривается, и в её взгляде вспыхивает вызов.— Но я всё равно буду танцевать сегодня. С вами или без вас. В груди противно царапает. Я чувствую, как напрягается челюсть.— С кем? С сыном Власова, который открыто пускает по тебе слюни?— Да. А что-то не так? Все не так. Потому что любой, кто к ней прикоснется, - не жилец.***К двадцати трем годам она превратилась в красавицу. И с каждым днём мне всё сложнее не замечать ее женственности, смеха, дерзкого взгляда. Я знаю, что ее нельзя. Знаю, что этим предаю друга и партнера. Но всё равно тянусь к ней, как к единственному свету в темноте.

© Султан Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуалы	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лия Султан

Его последняя любовь

Глава 1

Алина

Дворники скребут по лобовому стеклу, но их рваный ритм не в силах заглушить собственный крик в моей голове. Сильный дождь хлещет так, будто небеса решили смыть с меня всё сегодняшнее унижение. Но горячие слёзы всё текут и текут по щекам, только успеваю их смахивать, ещё и руль держать, чтобы не занесло на мокрой дороге.

Перед глазами всё ещё стоит его ухмылка, и сквозь шум прорезается голос Руслана, возвращая к нападению:

— Недотрогу из себя строила? Сейчас посмотрим, что у тебя там между ног. Всё равно моей будешь.

В груди поднимается волна тошноты и злости. Я вспоминаю, как он нависал надо мной, как сжал мои запястья и впечатал их в матрас, как задрал подол платья и подцепил резинку трусиков. И это ощущение — липкое, мерзкое, что это конец. Но я смогла выбраться, смогла врезать по голове стационарным телефоном, который схватила с полки.

Лицо Руслана перекопилось от боли, а я рванула прочь, подобрав с пола сумочку, но забывшую другую, со сменной одеждой, и не попрощалась с подругами. Одна из них меня капитально подставила, сказав брату и по совместительству моему бывшему, что мы сегодня ночуем на базе отдыха в горах.

Он появился внезапно, когда я как раз выходила из номера. Попросил его выслушать, извинялся за измену, говорил, что это было в первый и последний раз. А потом у него закончились аргументы, и начался мой личный ад. Он снова обвинил во всём меня. Слишком долго мурыжила его, строила из себя недотрогу, не давала. И тут я выпалила:

— И слава Богу, что я тебе не дала.

Дальше всё как в тумане. Помню только Мила — его сестра — окликнула меня, а я показала ей средний палец и послала в пешее эротическое. Пусть горит в аду вместе со своим братом.

Руки на руле дрожат. Телефон на панели вспыхивает: «Мила». Я резко срываюсь:

— Не звони мне больше! — голос сорван окончательно. — После того, что ты сделала... ты мне больше не подруга!

Сбрасываю вызов.

Машина дёргается, будто и она устала от моих эмоций, а двигатель внезапно захлёбывается. Гул затихает, приборная панель тухнет.

— Нет! Нет-нет-нет! — бью ладонями по рулю.

Убираю волосы с лица и абсолютно не представляю, что в таких случаях делать, ведь я паркетный водитель. Звонить папе? Нет, не буду портить свидание им с мамой. Водителю мамы — дяде Саше? Блин, он же в отпуске.

Выбираюсь наружу. Дождь обрушивается с такой силой, что через секунду промокаю до нитки. Вся моя ярость обрушивается на несчастное колесо, по которому я бью ногой и кричу в темноту:

— За что?! За что мне всё это?! - голос тонет в раскатах грома.

Надо бы пойти обратно в салон, но я стою на обочине под косыми каплями, и кажется, что весь мир играет против меня. Мокрые волосы липнут к лицу, белые кеды увязают в грязи. Я дрожу, но не от холода, а от злости, бессилия и от того, что меня предали и едва не взяли силой.

Фары встречной машины режут темноту, и на секунду я жмурюсь, прикрываю глаза рукой. Дорога пустая, я совершенно одна, и мне страшно, потому что вот так начинаются многие сюжеты в «Тру крайм» передачах. Но вот беда — чёрный джип резко сбавляет скорость и останавливается на другой стороне трассы.

Щелчок дверцы, чёрная вспышка... и в этот замок из дождя выходит высокий человек под большим зонтом. Сквозь звон в ушах пробивается его голос:

— Цела? Помощь нужна?

Я моргаю, и в тот же миг сердце падает в пятки. Он тоже останавливается, чуть прищуривается, не веря своим глазам.

— Алина?

Меня колотит не только от холода. Я дрожу, захлёбываясь в мокрых прядях, прилипших к лицу.

— Ваню Давидович? — едва слышно вырывается у меня, и в следующую секунду он поднимает надо мной зонт.

Да, это он. Узнаю по хищному взгляду, которому не страшен ни дождь, ни ночь, ни враги. Пронзительные тёмные глаза, которые будто видят тебя насквозь. С тех пор как он впервые вошёл в наш дом десять лет назад, я боялась его, только здоровалась и сразу убегала к себе. Он всегда казался слишком строгим, жёстким, молчаливым. Мужчина, о котором говорят с уважением и осторожностью: партнёр моего отца, для своих — дядя Ваня.

Теперь он стоит напротив меня, высокий, широкоплечий, с тем же жёстким лицом, от которого у меня снова пробегают мурашки. Я не могу сказать ни слова — зуб на зуб не попадает.

— Что с машиной? — его голос низкий, хрипловатый.

Он смотрит на меня испытующе, ждёт ответа, и от этого взгляда я снова та самая школьница, которая боялась открыть рот при дяде Ване.

— Заглохла, — сипло отвечаю и киваю на обочину.

Ваню Давидович переводит взгляд на мою ласточку и оценивает ситуацию. Я сжимаю руки в кулаки, ногти впиваются в ладони. Меня трясёт от холода и злости. Он снимает с себя пиджак и накидывает мне на плечи. Ткань тяжёлая, тёплая, пахнет чем-то резким и незнакомым. И неожиданно этот запах кружит голову, отвлекает от боли, немного успокаивает.

— Марш в мою машину, Алина, — мрачно бросает он.

И вдруг он обнимает меня за плечи, прижимает к себе, словно пытается укрыть от всех невзгод. Этот неожиданный жест кажется сюрреалистичным. Ваню Давидович ведёт меня к своему «Лэнд Крузеру», открывает дверь и помогает сесть.

— Алина! Алина! — зовёт он, а я на несколько секунд выпадаю из реальности — дрожу и клацаю зубами. — На меня смотри!

И я смотрю. Прямо в его непроницаемые глаза.

— У меня в машине сумочка осталась с телефоном и документами, — шепчу я в нескольких сантиметрах от его лица.

— Сейчас.

Захлопнув дверцу, он идёт к моему «Лексусу». В салоне его машины тепло. Я сижу, прижимая к себе пиджак, и слушаю, как гудит печка. Горячий воздух обжигает замёрзшие пальцы, и от резкого контраста мне даже становится немного больно. Стёкла запотели, капли дождя бегут по ним дорожками, скрывая мокрую темноту за окном.

Ваню возвращается быстро, садится за руль, убирает зонт на заднее сиденье. Он звонит кому-то и очень чётко, командным тоном говорит приехать к нему за ключами и отогнать

машину в сервис. От его властного голоса я вжимаюсь в сиденье, потому что мне кажется, что и я сейчас попаду под раздачу. Убрав телефон в ячейку под панелью, он поворачивает голову и жёстко спрашивает:

— Где ты была? Что случилось?

Я кусаю губу до боли. Перед глазами снова вспыхивает лицо того, кого я так отчаянно хочу забыть. Предательские слёзы сами подступают, и я отворачиваюсь к окну.

— Ничего, — вру, но эмоции меня выдают.

В салоне становится слишком тихо, только капли бешено барабанят по крыше.

— Говори, — звучит как приказ.

Я задыхаюсь, закрываю лицо ладонями, но слова сами вырываются:

— Бывший. Он меня... хотел... — голос срывается, я не могу договорить. — Я убежала.

Хмурый Ваню даже не пытается скрыть эмоций. Его рука решительно тянется ко мне, он притягивает ближе, жалеет. Я ощущаю его силу, его тепло и на секунду позволяю себе спрятаться, уткнувшись носом в его плечо.

Минута проходит в гулком молчании. Потом я отстраняюсь, торопливо смахиваю слёзы ладонями.

— Простите, дядя Ваня, — шепчу. — Я не должна была...

Он садится ровно, словно ничего не было. Заводит мотор, кладёт руки на руль и нажимает на газ. Профиль гордый, мужественный, взгляд только вперёд.

— Как его зовут? Имя? Фамилия? — невозмутимо спрашивает Ваню.

Я понимаю, к чему он клонит, и сердце ухает.

— Пожалуйста, — быстро говорю. — Ничего не делайте. И папе не рассказывайте. Он же его убьёт.

Я ловлю на себе его тяжёлый взгляд, но он ничего не отвечает.

— Пожалуйста, дядя Ваня, — умоляю. — Представим, что этого не было, хорошо?

— Ты вся продрогла. Нужно согреться, — он не продолжает мою тему, а переходит на другую.

— Вы не могли бы меня до города довезти?

— До города час. До моего дома — десять минут. Тебе нужно переодеться и согреться, иначе пневмонию заработаешь.

Я смотрю на него и пытаюсь вспомнить, видела ли я когда-нибудь его мягким. Кажется, он уже родился таким. Даже сейчас он строгий, но в словах — забота, которую я не привыкла слышать от него.

— У вас есть дом в горах? — вырывается у меня.

— Купил полгода назад. Иногда провожу там выходные, — отвечает он спокойно.

— Один? — вопрос срывается сам собой. Не понимаю, зачем спросила. Может, чтобы отвлечься. Всё, что я знаю о его личной жизни, так это то, что он овдовел много лет назад и детей у него нет.

Ваню чуть поворачивает голову, скользит по мне странным взглядом, от которого в груди холодеет.

— Конечно, один.

Я отворачиваюсь к окну, шмыгаю, как девчонка, потираю нос пальцем. За стеклом ничего не видно, кроме и отражения его силуэта рядом со мной.

Глава 2

По дороге мне звонят подруги. Они уже знают, что произошло, и поэтому тоже хотят уехать. Я прошу одну из них сходить ко мне в номер и забрать сумку с вещами. Трубку перехватывает Мила, просит выслушать, но я сбрасываю звонок и убираю телефон. Ваню Давидович никак это не комментирует и вообще не особо-то разговаривает.

Мы сворачиваем с трассы, дорога начинает уходить вверх серпантинном. Машина мягко покачивается на поворотах, и я впервые замечаю: вокруг темнота плотная, глухая, только дождь да редкие огоньки внизу — там, где остался город. Через несколько минут в темноте вспыхивают фонари, благодаря которым я выхватываю из мрака силуэт большого дома.

Ваню Давидович нажимает на кнопку пульта, и кованые ворота открываются, пропуская нас на территорию. Он останавливает джип прямо у крыльца, забирает зонт сзади и выходит первым. Обойдя машину, открывает дверь и подаёт мне руку. Я вкладываю кисть в его широкую ладонь, а дядя Ваня поднимает надо мной зонт.

Спустя несколько секунд мы, наконец, оказываемся в доме, и, к моему удивлению, нас уже ждут. Вернее, ждали не нас, а только его — хозяина.

У камина на корточках сидит седой мужчина лет пятидесяти. Увидев нас, он встаёт, уверенно проходит и протягивает Ваню руку. Понимаю, что это кто-то из местных, кто присматривает за домом и готовит его к приезду хозяина.

— Приветствую, Ваню. Как добрались в такой ливень?

— Спасибо, Ахмед. Всё нормально. Ты сам спускайся осторожно, — велит, как командир.

— Как вы просили, жена всё приготовила, — он показывает куда-то рукой, но я не улавливаю, а всё ещё трясусь от холода даже в тёплой комнате.

— Спасибо. Дальше мы сами.

Тот лишь кивает, ни о чём не спрашивает. Сдержанно улыбается, желает спокойной ночи и уходит.

Я стою на пороге, капли стекают с волос на пол и не знаю, куда деть руки. За спиной хлопает массивная дверь, из камина тянется жар, а из столовой — запах ужина.

Ваню уверенной походкой проходит дальше, снимает куртку и вешает её на крючок. Я всё ещё стою на пороге, не решаясь переступить дальше. Он оборачивается, хмурит густые брови и велит:

— Иди за мной.

Я сбрасываю с ног промокшие кеды и медленно иду за ним. От тепла дрожь понемногу отпускает, но внутри всё равно беспокойно. Этот дом чужой, мужской, я здесь случайная гостья, и по-хорошему мне бы закрыться в комнате и сидеть тихонько до рассвета.

Ваню поднимается по лестнице. Я нерешительно слеую за ним, и мы оказываемся в холле с несколькими дверями. Он распахивает одну и пропускает меня вперёд.

— Гостевая, — поясняет.

В комнате светло и уютно: широкая кровать с серым покрывалом, торшер у кресла, большое окно, за которым шуршат листья и шумит дождь. Возле кровати — включённый обогреватель, а на ней — стопка одежды и полотенце. До меня доходит, что Ваню предупредил зрителя обо мне в сообщении, которое написал в дороге.

— Переоденься в сухое, — его голос звучит так же спокойно и властно, как всегда. — Тебе нужно согреться. Потом спустишься в сауну, она почти готова.

— Мне достаточно душа, — пытаюсь возразить.

Он смотрит прямо, его чёрные глаза будто насквозь прожигают.

— Нет. Если не прогреешься как следует, завтра сляжешь с температурой.

Я молча киваю — спорить бессмысленно, а он, не говоря больше ни слова, выходит и закрывает за собой дверь.

Опустившись на край кровати, выдыхаю. Тело всё ещё дрожит, я быстро стягиваю с себя мокрую одежду, заворачиваюсь в полотенце. Трясусь, как испуганный зайчик, и снова зуб на зуб не попадает. Но проходит минута, другая, третья — и я более или менее прихожу в себя.

Беру из стопки свитер. Он огромный, растянутый, тёмно-серый. Он чуть выше колен, а ворот сползает и оголяет плечо. Штаны я даже не трогаю — в них я утону точно. Но тёплые носки надеваю сразу, мои ножки только их и ждали.

Я смотрю на своё отражение в зеркале — босые ноги, слишком большой свитер, растрёпанные мокрые волосы. Трусики у меня влажные, но пока терпимо. Если в сауну пойду — высушу их там.

Внезапно в комнате раздаётся тихий, но твёрдый голос:

— Алина, — говорит низко, с хрипотцой. — Спускайся вниз. Всё готово.

Вздвигнув, машинально поправляю свитер, хотя смысла в этом нет: он всё равно постоянно будет сползать. Осторожно открываю дверь и спускаюсь на первый этаж. Остановливаясь на предпоследней ступеньке и обвожу взглядом гостиную. Огонь в камине яркий, жаркий, тени пляшут по потолку, делая пространство ещё загадочным. Дом сразу выдаёт характер хозяина. Всё строго, без лишних деталей, но каждая вещь дорогая и стоит на своём месте. Тёмный диван у камина, низкий, но массивный деревянный стол, на котором уже стоит корзина с хлебом, графин вина, круглая тарелка с овощной нарезкой, такая же с сыром и колбасой. В углу комнаты — стеллаж, полки которого доверху забиты книгами, рядом винтажная радиолка на тонких чёрных ножках.

Вано ждёт меня у двери, ведущей в боковой коридор. Он тоже переоделся и теперь стоит в тёмной рубашке, рукава закатаны до локтей. Его взгляд сразу скользит по мне. Я сначала ловлю его, но потом опускаю глаза, чувствуя, как щёки залил румянец. Это всё от перепада температур, успокаиваю себя. И сердце поэтому колотится сильнее.

— Пошли, — коротко бросает он и открывает дверь.

Я чувствую лёгкое покалывание на щеках от его слов. За этот почти час мы говорим с ним больше, чем за все десять лет нашего знакомства. Я спускаюсь за ним, стараясь не думать о том, как выгляжу в его одежде.

Мы оказываемся на цокольном этаже, и он объясняет, что справа — сауна, слева — бассейн. Открыв дверь, Вано пропускает меня вперёд, и я оказываюсь в комнате, стены которой обшиты деревом. Здесь горит тёплый свет от ламп. За одной матовой перегородкой — парная, за другой — душ.

— Здесь согреешься. Только недолго, чтоб плохо не стало. Полотенца и халаты там. Вода на столе.

— Я вообще не очень люблю сауну, — снова даю заднюю.

— Я сказал — надо, — его тон не оставляет мне выбора. — Алина, я понимаю, ты упрямая. Но я не хочу, чтобы завтра ты с воспалением лёгких слегла. Как я потом буду смотреть в глаза твоему отцу?

Прикусываю губу и всё-таки сдаюсь. Как только он оставляет меня одну, я раздеваюсь, беру с полки полотенце и вхожу в парную.

Лёжа на прогретых досках, вдыхаю полными лёгкими горячий воздух. Неожиданно хорошо. Может, я в силу возраста недооцениваю сауну? Сейчас, после дождя и холода, я чувствую блаженство. Просто кайф. Руки скользят по влажной коже, прикрываю веки, делаю глубокий вдох и выдох. В голове туман, но даже сквозь него я думаю о том, что не должна была здесь оказаться. Это неправильно. Но противостоять Ване Давидовичу невозможно.

Как только я думаю о нём, его образ появляется перед глазами.

ЛИСТАЙТЕ ДАЛЬШЕ. ТАМ ВИЗУАЛЫ >>>>>>>>

Визуалы

Посмотрим сначала на нашего дядю Ваню, то есть Ваню Давидовича. Ему 40 лет

Милая Алина, 23 года. Девочка из хорошей семьи

Глава 3

Вано

Сажу в кресле у камина, и как-то странно на душе. Сколько ей сейчас? Двадцать три. В последний раз я видел её почти год назад, и то мельком. Знаю, она всегда меня боялась, в отличие от Даши — своей младшей сестры. Но та с детства оторва, а Алину я впервые увидел, когда ей было тринадцать. Серьёзная, книжки читала, училась. Всегда здоровалась и к себе убегала.

Ну надо же, любимица Кости в моём доме. А паренька её бывшего найти всё же стоит и научить, как с девушками нужно разговаривать. Надо всё-таки выведать, как зовут, чтобы адресно мудаку помочь. До сих пор перед глазами её заплаканное лицо. Своими руками бы урыл гниду.

Поднимаю глаза на часы над камином. Сколько можно? В сауне легко потерять счёт времени, а она и так вымотана, продрогла. Что, если ей стало плохо? Влажный воздух, жара, перепады... Чёрт. Поднявшись, иду к лестнице и спускаюсь вниз. Возле двери стучу пару раз и зову её, но она не отвечает.

Топчусь на месте, и тревога возрастает. Не дай Бог давление — я буду крайним. Нажав на ручку, толкаю дверь и вхожу в предбанник. Тишина. Вода не шумит, на стене висит мой свитер. Перевожу взгляд на запотевшее матовое стекло парной. Шагнув ближе, замечаю в тусклом свете силуэт. Девичий, хрупкий и... завораживающий. Нервно сглатываю и не могу отвести глаз — точно под гипнозом.

Широкий полог парной. На нём — она. Сидит, запрокинув голову назад и закрыв глаза. Длинные волосы прилипли к коже. Она неспешно проводит ладонями по шее, скользит ниже — по плечам, груди, животу. Движения неторопливые, плавные. Её рука устремляется вверх, ложится на аккуратную грудь и сжимает её тонкими пальцами. Медленно. Мучительно медленно. Сладко.

Удар под дых. Высокое напряжение в голове и внизу, где, чёрт возьми, не должно было ничего напрягаться сейчас. Я быстро выхожу оттуда, сбегая, как вор, и, оказавшись в коридоре, приваливаюсь спиной к стене и сжимаю кулаки.

Но разом не слушает моих приказов. В голове вспыхивают чуждые мне картины. Слишком живые. Слишком неправильные.

— Стоп, — рявкаю на себя. — Остановись.

Я втягиваю воздух ноздрями и с усилием выдыхаю. Сердце стучит в висках. Столько женщин ласкали себя передо мной. Женщин красивых, соблазнительных, сексуальных. Но прямо сейчас у меня помутнение рассудка, потому что я за всю жизнь не видел картины более чувственной и возбуждающей.

— С*ка! — яростно цежу сквозь зубы и бью кулаком о стену.

Это грешное наваждение. Такого не должно было произойти. Это нах*й ненормально. Надо было согласиться с ней, что не нужна ей сауна, запереть в комнате и пусть бы там сидела.

Стремительно иду наверх, но её образ за стеклом остаётся в голове, будто выжжен огнём. Я должен остыть, мне надо всё забыть и стереть из памяти. Беру со стола пачку сигарет, надеваю куртку и выхожу на крыльцо. Вода стекает с козырька, я затягиваюсь и выпускаю дым. Раз, два, три, четыре — пока силуэт в облаке пара не выветривается из моей головы.

Вано, ну ты и придурок, мать твою!

Девчонку надо завтра же утром везти в город к мамке и папке. Подальше отсюда, подальше от себя. На моё счастье приезжают два пацана с СТО, где я всегда обслуживаюсь, и забирают её ключи. Обещают не подвести и всё сделать быстро. Доверяю им, не обманут.

Я возвращаюсь в гостиную и опускаюсь в кресло. Огонь в камине трещит, пламя пляшет, а я в этом адском костре топлю чувство вины за свою реакцию на девчонку.

Соберись, Ваню. Ты не мальчишка. Она дочь Кости. Та самая заучка, которой ты когда-то приносил шоколад, и она убегала, боясь твоего взгляда. Всё. Точка.

Я слышу лёгкие шаги по коридору. Поднимаю голову.

Алина тихо идёт ко мне. Волосы ещё влажные и блестят. На ней мой свитер, достающий до колен. Ворот с плеча, открывая тонкую линию ключицы и гладкое плечо. Ноги стройные, загорелые... да бл*дь. Опять?

Я тут же заставляю себя спрятать эмоции за привычной холодной маской. Но внутри всё сжимается от того, что эта девочка... нет, уже не девочка. Женщина.

— Дядя Ваня, спасибо за одежду, — она смущённо поправляет свитер, как будто чувствует мой взгляд.

Девочка, лучше больше не называй меня так.

— Садись, — указываю на диван напротив. Голос звучит ровно, почти холодно, хотя в груди жар. — Надо согреться как следует.

Она садится, поджав под себя ноги и потянув рукава вниз. В её движениях всё ещё скованность, и от этого мне только тяжелее дышать.

— Машину твою ребята забрали. Как сделают, позвонят.

— Дядя Ваня. Простите, что втянула вас во всё это.

Я сжимаю пальцы на подлокотнике кресла.

— Всё нормально. Не переживай, — отвечаю сухо, но вижу, как её плечи чуть расслабляются.

Она поднимает глаза на меня — серо-голубые, большие, обрамлённые длинными ресницами. И это финиш: дыхание сбивается, напряжение снова ударяет в низ живота. Когда она успела вырасти из угловатой девчонки в прекрасную девушку? Я слишком долго не видел её и пропустил этот грёбанный переход.

Я отвожу взгляд, чтобы она не увидела, что творится со мной.

— Ешь, — киваю на стол, где Ахмед оставил еду. — Сейчас как раз время ужина.

Она поджимает губу и тянется к столу, а я делаю вид, что смотрю на огонь, хотя замечаю, как свитер снова сползает с плеча.

И это неожиданно сводит меня с ума.

Девочки, очень жду ваши комментарии. Как вам наши герои?

А теперь визуалы:

Глава 4

На столе перед камином уже стоит тарелка с мясом, нарезки, хлеб, графины с водой и вином. Ахмед с женой, как всегда, позаботились обо всём. Я киваю на еду, но сам не прикасаюсь.

Алина берёт тарелку, аккуратно кладёт себе кусок мяса, лаваш, овощи и возвращается на диван. Сидит, поджав ноги под себя, и ест маленькими кусочками. Смущённо, как будто вновь боится меня.

Я смотрю на огонь, но украдкой поглядываю на неё. Как держит вилку тонкими пальцами. Как плечо снова открыто. Как поправляет влажные выющиеся волосы, убирает их ладонью на одно плечо.

Мать вашу... сколько в её движениях женственности и изящности. Она сама даже этого не осознаёт.

— Вкусно, — говорит она негромко. И ждёт моей реакции.

— Жена Ахмеда отлично готовит, — отвечаю сухо, но на неё не смотрю.

Она кивает, потом вдруг снова спрашивает:

— А вы... всегда такой строгий?

Я поворачиваю к ней голову.

— Я строгий?

— Да, — она улыбается уголком губ, но в глазах всё ещё та девичья неуверенность. —

Вы смотрите так, что хочется спрятаться. Всегда так смотрели.

Я чувствую, как что-то внутри меня дрогнуло. Это правда: я всегда видел её сдержанную, молчаливую, кроткую. За десять лет мы едва с ней сказали друг другу больше ста слов. «Здравствуйте — до свидания. Как дела — хорошо».

— Ты выросла, Алина, — говорю тихо, больше себе, чем ей. — Но в чём-то осталась всё та же.

Она опускает взгляд в тарелку, проводит вилкой по краю. Потом вдруг почти шёпотом:

— А вы не изменились. Хотя, нет. Стали ещё серьёзнее.

Я сжимаю челюсти. Не могу позволить этим словам пробить броню. Но пробивают. Потому что говорит она не как девочка, которая боится. Я встаю, беру со стола графин, наливаю себе вино, чтобы занять руки. Иначе ещё скажу то, чего не должен.

— Можно мне воды? — вдруг просит она.

Ставлю свой бокал на стол, беру пустой и тоже наполняю его вином. Подхожу ближе, протягиваю Алине. Она тянется за ним, её пальцы почти касаются моих. Мы снова смотрим друг на друга дольше, чем нужно. Я успеваю рассмотреть её глаза — серо-голубые, как озёрная гладь на рассвете. Смуглая кожа тёплая, золотистая от огня камина. И губы... полные, мягкие — такие, что взгляд невольно задерживается.

— Мне неудобно пить рядом с вами, — признаётся тихо, облизнув губы. Я знаю, что этот жест абсолютно случайный, но он меня напрягает.

— От одного бокала ничего не будет, — отвечаю я спокойно. — Для здоровья.

Пригубив немного и зажмурившись, она касается пальцами губ, а я отступаю, возвращаюсь в кресло, ставлю бокал на столик рядом. В камине потрескивают дрова, и какое-то время мы оба молчим, слушаем огонь.

— Слышал, у тебя кофейня, — говорю я наконец, не поднимая взгляда от огня.

— Да, — отвечает она спокойно. — Папа помог открыть. И с местом повезло. На Арбате.

— И как, дела? — спрашиваю коротко.

— Хорошо. Проходимость отличная, уже есть постоянные клиенты, фирменные булочки даже придумали. Мне очень нравится, как всё получается. Я даже думаю, может, сеть попробовать открыть, — улыбается и прикусывает губу, будто сама не верит, что говорит это мне.

— Умница, — киваю. — Любое дело держать — не игрушка.

Она чуть склоняет голову, и я вижу, как её щёки розовеют от жара и вина.

— «Бисквит», — говорит она после паузы. — Так называется.

Я молча киваю. Запоминаю. Пью вино. Оно густое, насыщенное, чувствуется терпкость, которая обжигает и будто будит изнутри. Вкус ягод тяжёлый, спелый, с лёгкой горчинкой, которая держится на языке и не отпускает.

— А этот дом, — тихий голос нарушает тишину между нами. — Вы уже таким купили? Или переделали что-то?

Вновь перевожу на неё взгляд и на этот раз он цепляется за влажные, тёмные пряди, что блестят в отблесках камина. В её вопросе нет праздного любопытства, и кажется, что ей действительно важно.

— Прежний хозяин построил его, но внутри были только голые стены. За несколько месяцев дизайнер с бригадой сделали из него то, что ты видишь сейчас.

— То есть всё сделали под вас?

— Да, — впервые усмехаюсь в её присутствии.

— В этом доме чувствуется ваш характер. В атмосфере, в дизайне, в деталях.

— У меня тяжёлый характер.

Не могу больше сдерживать себя и смотрю ей в глаза. Она не отводит свои, как раньше, а глядит без страха.

— Волевой, — пожимает плечом, — мужской.

Я снова делаю глоток вина, чтобы оборвать разговор. Но взгляд её всё равно держу. Дольше, чем нужно. Молчание становится тяжёлым, плотным. Алина смотрит на пляшущие языки пламени, думает о своём и подносит фужер к губам. Резко, но незаметно для неё дёргаюсь, когда красное вино касается её розовых губ. Выпрямившись, убираю свой бокал на стол и встаю. Нужно движение, иначе я задохнусь.

— Уже поздно. Иди отдыхай.

Она выныривает из собственных мыслей и соглашается. Ставит тарелку с недоеденным мясом на столик, поднимается, одёргивает край свитера и вновь поправляет ворот.

— Дядя Ваня, — взмахнув ресницами, поднимает на меня свои доверчивые глаза. И это разрывает мою привычную броню сильнее любого слова.

— Ваню, — поправляю её.

— Ваню Давидович, спасибо вам ещё раз за помощь. Вы же папе не расскажете?

Что именно не расскажу, девочка? Как подобрал тебя сегодня на трассе? Как видел, как ты, обнажённая, трогаешь себя в парной? Или как я теперь на тебя реагирую?

Нет, твой отец никогда об этом не узнает. Потому что если узнает — убьёт. А завтра я сам отвезу тебя и навсегда забуду это наваждение.

— Нет, не расскажу. Не переживай.

— Уф, — с облегчением выдыхает она, приложив ладонь к груди. — Это хорошо. Пусть это останется нашей маленькой тайной.

— Конечно. Я провожу тебя наверх, — произношу наконец. Голос звучит спокойно, но внутри всё кипит.

Глава 5

Алина

Ворочаюсь под одеялом, но уснуть не могу. В комнате слишком жарко: обогреватель гудит, наполняя воздух сухим теплом. Свитер становится тяжёлым, прилипает к телу, и я стягиваю его через голову.

Включив ночник на прикроватной тумбочке, озираюсь. Мой бюстгальтер ещё не высох, а голышом я никогда не сплю.

Мой взгляд падает на рубашку, которую Ваню пожертвовал для меня. Я беру её в руки и поглаживаю. Ткань гладкая, прохладная и пахнет им. Не туалетной водой, не табаком — просто им.

Натягиваю рубашку, застёгиваю её. Длинные рукава почти закрывают пальцы, подол — до середины бедра. Закатываю рукава, ложусь обратно, укутавшись в тёплое одеяло. Так неожиданно хорошо, спокойно и нереально, будто это всё сон.

Дом в горах. Камин. Его вещи на мне. Его взгляд, строгий и такой опасный, всё ещё стоит перед глазами. И слова... Он сказал, что я умница.

Почему внезапно мысли о Ваню Давидовиче не дают покоя? Опять сажусь, подтягиваю колени к груди и зарываюсь носом в ворот рубашки. Закрываю глаза. Всё это кажется сюрреалистичным, будто я перенеслась в чужую жизнь. Но запах этой ткани слишком настоящий, чтобы поверить в сон. И мне снова мерещится его взгляд, когда он сидел у камина и смотрел на меня. Впервые я не боялась, впервые мне не хотелось сбежать, а хотелось посидеть с ним, послушать его бархатный голос с хрипотцой.

Сумасшествие. Но что-то сломалось во мне там, внизу. Что-то безвозвратно изменилось.

Боже мой, Алина? Побойся Бога! О нём нельзя думать. Это же Ваню — папин партнёр, друг. Взрослый, жёсткий, совсем из другой лиги.

Подсчитываю, что он старше на семнадцать лет и падаю на подушки, закрыв лицо руками и покраснев от стыда. Повернувшись на бок, беру телефон и захожу в соцсеть.

Скролю ленту, лишь бы отвлечься и занять мысли. Постепенно веки тяжелеют, буквы перед глазами расплываются, и я клую носом, когда неожиданно слышу подозрительный скрип за спиной.

Сердце пропускает удар. Я понимаю, что больше не одна в комнате.

Шаги. Медленные, тихие, но уверенные.

Прикрыв глаза, делаю вид, что сплю, но прикусываю губу от страха и... ожидания. И вдруг с ужасом понимаю, что мои ноги не прикрыты. Одеяло сбилось, оголяя бедро. Я замираю.

Матрас слегка прогибается. Он садится рядом, и я чувствую тепло ладони сначала на щиколотке. Осторожное, почти невесомое прикосновение. Но потом оно скользит выше — по икре, колену, и я едва не вздрагиваю. Он проводит ладонью дальше, вверх, и каждая секунда становится вечностью.

Моё дыхание сбивается, я стараюсь держать его ровным, чтобы не выдать себя. Но внутри всё горит, а низ живота сковывает сладкая боль. В голове только одна мысль: он рядом. Он трогает меня.

Я сжимаю пальцами край подушки, прикусываю губу сильнее. Его ладонь уже на бедре, пальцы впиваются в мягкую кожу.

И в этот момент я открываю глаза, поворачиваю к нему голову и врезаюсь в строгий, но уже без ледяной маски взгляд. В полутьме он кажется ещё выше, тень ложится на лицо, и я чуть не задыхаюсь от его мужской красоты и силы.

Я хочу спросить, что он здесь делает, но губы не слушаются. Слышу только своё учащённое дыхание. Сердце колотится так, что, кажется, он слышит.

— Не бойся, — шепчет он низким, хриловатым голосом.

Его ладонь ложится на мою щеку, большой палец скользит по губам. Я прикусываю его робко, будто проверяя, а настоящий ли он.

И тогда Ваню наклоняется ближе и припадает к моим губам. Первый поцелуй ошеломляет, и всё во мне откликается на этот напор. Его вкус — терпкий, горьковатый, но в нём есть сила, от которой кружится голова. Я чувствую, как внутри расправляются крылья, как будто долгое время я жила в клетке, а теперь меня выпустили полетать.

Я прижимаюсь ближе, ладонями скольжу по его груди, ощущая жар под тонкой тканью рубашки. С каждым его движением я всё глубже погружаюсь в эту опасную, но в то же время такую сладкую близость, ощущая, как тяжелеет низ живота, как там вихрем закручивается желание.

И тут тьма сгущается, дыхание путается с тишиной, и я вдруг ощущаю, что падаю. Мир ускользает, как сквозь пальцы вода. Я открываю глаза — и не понимаю, где я. Сердце всё ещё колотится, губы горят, словно от настоящего поцелуя, но вокруг только тишина и подушка под щекой.

Ночник горит мягким светом, рубашка на мне застёгнута. Никого рядом нет. Только сердце сходит с ума, и внизу живота тянет. Это просто сон. Я перепарилась и выпила вина — вот и результат.

Утром просыпаюсь поздно. Голова тяжёлая, словно и не спала вовсе. Сны путались, тревожили и смущали, а теперь от них остался только горько-сладкий осадок на душе и жар под кожей.

В комнате тихо, только мерно тикают часы на стене. Я сбрасываю с себя одеяло и подхожу к балконной двери. Осторожно открываю створку, и в лицо ударяет свежий горный воздух с запахом мокрой земли и хвои. Ночью прошёл дождь, и теперь холмы будто вымыты до блеска.

Выйдя на балкон, облокачиваюсь о перила и закрываю глаза. Втягиваю этот вкусный ноздрями, и кажется, что его здесь можно хоть ложкой есть. Голова проясняется, сразу становится легче.

А потом внизу слышится глухой, ритмичный стук. Открываю глаза и замираю..

Ваню стоит на заднем дворе у колоды, в руках блестит тяжёлый топор. На хозяине чёрные спортивные штаны и простая серая футболка. Сильные руки поднимают и опускают топор, и каждое движение точное, выверенное.

Я не могу оторваться. Смотрю, как напрягаются мышцы на его руках, как проступают тёмные пятна от пота на ткани. Он весь сосредоточен на деле, и от этого кажется ещё более опасным... и притягательным. Сердце разгоняется, и я прижимаю ладонь к груди, пытаюсь его унять.

И вдруг он останавливается, словно почувствовав, что за ним наблюдают. Разминает шею, проводит по ней ладонью и медленно оборачивается.

Наши глаза встречаются.

Несколько секунд кажутся вечностью. Я стою на балконе, босая, в его рубашке, а он там, внизу, с топором в руке. Мы просто смотрим друг на друга, не двигаясь, будто время застыло.

— Ваню! — раздаётся голос Ахмеда — сосед и смотритель дома. — Всё принёс, как ты просил. И молоко свежее.

Ахмед не замечает меня, но его присутствие разрезает невидимую нить между нами. Ваню поворачивает голову в сторону, кивает Ахмеду и благодарит. А когда тот входит в дом, он

снова смотрит на меня. Но уже коротко и мимолётно, после чего опускает глаза. Топор вновь взмывает в воздух, рассекая очередное полено пополам.

Я остаюсь на балконе, сжимаю перила холодными пальцами. Сердце всё ещё грохочет в груди, дыхание сбивается.

Казалось бы, всего лишь взгляд. Но кажется, что-то снова изменилось. Я долго стою, пока он рубит дрова и делает вид, что меня нет. Но я знаю: он видел. И я видела.

И это уже не развеять ни словами, ни молчанием.

Ну что за красивые люди получают на этих визулах! Дайте огня, девочки. Как думаете, что между этими двумя зарождается. Для справки: Алина никогда не была влюблена в Ваню, она вообще его всегда боялась. Тоже самое он - он никогда не обращал внимание на кнопку.

Глава 6

рохладная после ночи, но ощущение чужого запаха больше не щекочет мне нервы. Застегиваю молнию, расчесываю волосы пальцами за неимением расчески и выхожу из комнаты. Надо спуститься и сказать, что я уезжаю. Вызову такси, умчусь к себе и забуду обо всем, будто и не было ничего. Все равно, когда теперь увидимся?

Лестница тихо скрипит под босыми ступнями. Я спускаюсь, думая о том, как нелепо вела себя вчера вечером, зачем-то рассказала ему про Руслана, что-то еще про дом и его характер. И вдруг на повороте я сталкиваюсь с ним.

Вано поднимается навстречу, держа в руках скомканную футболку. Мы стоим лицом к лицу в узком пролете, где разойтись почти невозможно. Он обнажен по пояс и я отвожу взгляд, чтобы не разглядывать сильные плечи, широкую грудь и рельефный торс. Господи, как же стыдно! Я готова сквозь землю провалиться.

Прижимаюсь к перилам, но места всё равно не хватает: нас разделяют всего несколько сантиметров. Подняв глаза, встречаю тяжелый взгляд дяди Вани. Нет, Вано. Сердце гулко ударяет, и я первая отступаю, пропуская его вперед.

— Проходите, — шепчу еле неслышно.

Вано проходит мимо и случайно касается моего плеча.

— Позавтракай, — произносит он ровно, буднично. — Я пока в душ.

Я прикусываю губу, собираю остатки храбрости и отвечаю.

— Подожду. Некрасиво есть в доме хозяина без самого хозяина.

Он поворачивает голову, на секунду задерживает на мне взгляд и коротко кивает. Поднимается дальше, а я остаюсь на лестнице с дрожью в коленях и горячим, предательски пылающим лицом.

На деревянном кухонном столе Ахмед оставил плетеную корзину с едой. В ней свежеспеченный, еще горячий хлеб, который божественно пахнет, сыр, мед, масло, булочки.

Я останавливаюсь у стола, провожу пальцами по поверхности. Желудок предательски сжимается от голода, но садиться я не спешу. Слова, сказанные Вано на лестнице, всё ещё отдаются эхом: «Позавтракай».

Нет. Я дожусь. Некрасиво одной и неправильно.

Я медленно хожу по комнате, останавливаюсь у окна. На сочной траве в саду блестит роса, солнечный свет ложится на газон золотыми мазками. Это утро тихое, красивое, а внутри меня буря.

Чтобы как-то отвлечься, начинаю накрывать на стол. В шкафу нахожу тарелки и чашки, раскладываю продукты, нарезаю хлеб. Параллельно включаю электрический чайник, но тут еще есть кофемашина с капсулами. Однако я нахожу у Вано упаковку хорошего кофе и турку. Я ставлю ее на плиту и начинаю колдовать. Вскоре кухня наполняется густым, терпким ароматом свежесваренного напитка. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь, ведь запах напоминает о моей квартирке, кофейне, чем-то знакомом и безопасном. Только здесь, в чужом доме, он звучит особенно странно, будто я оставляю на всем вокруг свой след.

Стоя у столешницы, разливаю напиток по кружкам. И в этот момент слышу шаги за спиной. Они уверенные и неторопливые. Оборачиваюсь и вижу в дверях дядю Ваню. Нет, Вано. Свежий после душа, в белой футболке, темные волосы все еще влажные. Смотрит на меня внимательно.

— Кофе? — я поднимаю его кружку и показываю ему, стараясь говорить легко.

Он подходит ближе, и глядя в глаза, берёт чашку из рук. Его пальцы на миг касаются моих. Я обжигаюсь от этого прикосновения сильнее, чем от кипятка.

— Вкусно пахнет, — произносит он и делает первый глоток. На секунду закрывает глаза.
— М, хорош.

— У меня же кофейня, — улыбаюсь.

Он не отвечает сразу. Ставит чашку на стол, садится, откидывается на спинку стула и смотрит прямо на меня. И этот взгляд снова выбивает почву из-под ног.

— Интересный выбор для дочери такого человека, как Костя, — хмыкает, а я хмурюсь, не понимая, к чему он клонит. — Обычно папы открывают девочкам салоны красоты, бутики или просто выдают замуж.

— Замуж я не собираюсь, — веду плечом и сажусь напротив него. — А кофейня - это моя душа. Папа хотел, чтобы я поступила на бизнес и я поступила. А потом появился мой проект и... он в чем-то оказался прав.

— То есть совместила приятное с полезным, еще и отцу угодила? Умница.

Он говорит это спокойно, без лишних эмоций, но внутри меня всё переворачивается. Умница. Всего одно слово, а будто самый дорогой комплимент, который я когда-либо получала.

— Спасибо, — говорю едва слышно, чувствуя, как щеки покалывает.

Взгляд Ваню держит меня так, словно я прикована к нему. В его глазах нет насмешки, нет игры. Но там что-то тяжелое, глубокое, неизведанное. Опасность во всем, особенно после этой странной ночи.

Я беру кусочек хлеба, провожу ножом по маслу и наношу его ровным слоем.

— Не страшно? — вдруг спрашивает он.

— Что? — я моргаю.

— По мне, ты еще слишком молода, а бизнес ошибок не терпит.

— Страшно, — я слабо улыбаюсь, — Иногда даже очень. Бывают хорошие дни, бывают плохие. Больше всего боюсь подвести папу. Но вы не думайте, дядя Ваня, я не из тех ребят из золотой молодежи, кто только сливки собирает. Да, может папа сильно рисковал, вложившись в кофейню двадцатитрехлетней дочки, но я люблю это дело.

Он кивает медленно, будто оценивает меня заново.

— Папа тобой гордится.

Я не нахожусь с ответом. Пью кофе, чтобы скрыть волнение, и только краем глаза замечаю, как его пальцы лениво крутят ручку чашки. И тут я решаюсь на важный шаг.

— Ваню Давидович, — специально произношу так, чтобы подчеркнуть субординацию и поставить стену между нами. — Я после завтрака поеду домой.

— Я отвезу, — отзывается он мгновенно, без раздумий, как будто решение уже принято.

— Нет, не стоит, — натягиваю улыбку, но внутри всё сжимается. — Я уже посмотрела в приложении, такси сюда доезжают без проблем.

— Зачем тебе такси? — его голос низкий, упрямый. — Я же сказал, что отвезу.

Я опускаю глаза в чашку, грею ладони, словно в этом мое спасение.

— Я и так вам весь отдых испортила, — тихо выдыхаю. — Вы приехали побыть в одиночестве, а тут я. Не хочу вам мешать.

— Я сказал, что ты мне мешаешь? — его слова звучат не столько вопросом, сколько вызовом.

— Нет, но, — я прикусываю губу и, наконец, поднимаю глаза. Смотрю прямо, без страха, но с отчаянной решимостью. — Отпустите меня.

Между нами воцарилась долгая пауза. Я слышу, как в груди стучит мое сердце, и думаю, что он тоже должен это слышать.

Я вижу, как его лицо меняется. До него доходит то, что стоит за моими словами: не каприз, не детское упрямство, а мольба. Мне нужно уехать домой одной. Я не могу снова оказаться рядом с ним в замкнутом пространстве. Нет, он больше не пугает меня. Но пугает дру-

гое — реакция, которую мы вызываем друг в друге. Это плохо. Это неправильно. Это должно остаться только здесь, в этих стенах, куда я больше никогда не вернусь.

— Хорошо, — наконец произносит он. Голос всё такой же ровный, но я улавливаю в нём тень напряжения. — Я посажу тебя на такси, запишу его номер. Ты мне отзовишься, когда приедешь.

Я киваю, прячу руки под столом, сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не выдать дрожь.

— Без проблем.

Глава 7

Квартиру в центре папа подарил мне, когда я вернулась из Будапешта. За годы учебы я привыкла к самостоятельности и жить в загородном доме родителей уже не хотела. Не отрицаю, что мне очень повезло родиться с серебряной ложкой во рту, потому что у меня папа, за ним мой важный дедушка, который начал бизнес в лихие 90-е.

Переступив порог дома, я не раздевшись ложусь на кровать и складываю руки на животе. Смотрю в потолок и мысли витают не здесь, а все еще там. Вспоминаю, что должна была отзвониться дяде Ване, но не хочу снова слышать его голос, поэтому ограничиваюсь коротким сообщением. Ответ приходит через пять минут. И я резко сажусь на кровати и читаю, прикусывая кончик указательного пальца.

“Хорошо. Скинь адрес, машину через час к твоему дома подвезут.”

Печатаю быстро и добавляю в конце “Спасибо большое”.

“Не за что”, — приходит следом. Коротко и ясно.

Шумно выдохнув снова падаю на постель, кладу рядом телефон и закрываю глаза ладонями. Вижу его на лестнице и без футболки. Вспоминаю взгляд, то, как он взял кружку из моих рук, коснувшись пальцев и тут же хнычу, как дурочка.

Алина! Ты с ума сошла? О нем нельзя думать. Это ничего не значит. Он намного старше. И женщины вокруг него не такие, как ты, наверное.

Мысли жужжат, как рой пчёл, но отвлекает звонок. Это мама.

— Да, мамуль? — стараюсь, чтобы голос звучал бодро.

— Алин, солнышко, вернулась уже?

— Да.

— Как отдохнули?

Ох, мама, мама. Если б я только могла тебе рассказать.

— Здорово. В сауну ходили, болтали допоздна, — вру я. — А как ваше свидание с папой прошло? Тряхнули стариной-то?

Мама заразительно смеется и это меня хоть немного успокаивает.

— Замечательно посидели! Я даже забыла, когда в последний раз смеялась столько. Даша с Артёмом, к счастью не спалили дом.

Я улыбаюсь искренне.

— О, ну это великое достижение!

— А я что звоню, доча. Приезжай вечером на ужин. Посидим все вместе, а то пропадешь потом на неделю.

Это хорошая идея, мне надо как-то отвлечься. Через час действительно привозят машину. Молодой парень передает ключи, я расписываюсь. Всё официально, уже оплачено, но внутри осадок от его «Не за что» всё ещё не отпускает.

Ужин дома проходит привычно. Даша с Артёмом снова зацепились, поддевают друг друга колкими фразами. Папа спрашивает про кофейню, хвалит, говорит брату с сестрой брать с меня пример. Я отвечаю, что всё идёт хорошо, и впервые чувствую перед ним неловкость, потому что скрываю от него ночь, проведенную в доме его партнера. Мама заботливо накладывает мне ещё еды, и жалуется, что я совсем не ем. Но у меня нет аппетита и одолевает слабость.

Когда мы переходим к маминому фирменному пирогу с вишней, у папы звонит мобильный.

— О, Ваню звонит, — он встает из-за стола и отвечает, — Ваню, подожди минуту. Девочки, вы пока начинайте. Я сейчас подойду. Да, говори. Контракт с китайцами? Да, видел, конечно...

Папа уходит в кабинет, закрывает дверь. Я невольно напрягаюсь, но стараюсь не выдать себя. Даша и Артём убегают наверх рубиться в компьютерную игру, а я остаюсь с мамой на кухне.

— Эх, как не вовремя Ваню позвонил. Все разбежались, — сетует мама. — Даже в выходные о работе думает. Женится бы уже, деток родил.

— А почему не женится? Он же не старый, — начинаю издали, перебирая салфетку пальцами под столом. — Я помню, видела его жену только один раз, но не помню, что с ней случилось.

Лицо мамы мгновенно меняется. В глазах появляется грусть.

— У Киры была опухоль мозга. Куда только Ваню не возил ее. И в Германию, и в Корею. Ничего не помогло.

— Какой ужас, — выдыхаю я, и в груди неприятно тянет. — А он?

— Он сделал всё, что мог, — тихо отвечает мама. — Но у каждого своя судьба. Кира была очень красивая, молодая, лет двадцать пять-двадцать шесть. Ваню её очень любил, по-настоящему. На руках носил. Но она быстро сгорела.

Я замираю. Перед глазами встает его строгий взгляд, его крепкие руки, то, как он смотрел на меня утром.

— После её смерти так и не женился, — продолжает мама, улыбаясь печально. — Такая любовь большая была. Их тех, что только один раз в жизни дается.

Я киваю, стараясь, чтобы в голосе не дрогнула ни одна нота.

— Наверное, да.

Но внутри всё переворачивается. А еще я чувствую как горят щеки. Мама это тоже замечает и подсаживается ко мне.

— Солнышко, что-то ты мне не нравишься! — она кладет ладонь на мой лоб и ахает. — Так ты горишь. Выходила на улицу, не высушив голову, да? Там же горы!

— Да я не помню как-то... Мам, все нормально. Сейчас поеду к себе. отлежусь.

— Какой к себе? — возражает она. — Никуда ты не поедешь. Останешься здесь, в своей комнате. Я тебя полечу.

— Но мам, у меня кофейня.

— Не мамкай. Подождет твоя кофейня.

Я больше не спорю. В глубине души даже рада — сил на протесты нет.

Ночью температура снова поднимается. Я ворочаюсь, сбрасываю одеяло, но всё равно будто задыхаюсь. Пот заливает виски, дыхание сбивается. Глаза закрываются сами собой, и я проваливаюсь в беспокойный сон.

Мне снится дом. Огромный, пустой, темный. Ни света, ни тепла. Только стук дождя по крыше и шорох ветра за окнами. Я брожу по коридорам, холодным и бесконечным, пытаюсь найти выход. Каждая дверь ведёт в такие же пустые комнаты.

И вдруг — одна приоткрыта. Я толкаю ее и замираю.

У окна стоит женщина в белом платье, длинные волосы спадают на плечи. Она смотрит наружу, в чёрный дождь. Не оборачивается, но я почему-то чувствую — она знает, что я здесь.

— Кто вы? — мой голос гулко звучит в пустоте.

Она медленно начинает поворачиваться...

Я резко открываю глаза.

Сердце грохочет, дыхание рваное. Я вся мокрая, простыня прилипла к телу. Пота так много, что волосы тоже влажные. Я сажусь, прижимаю ладонь к груди, пытаюсь унять сердце.

Это был всего лишь сон. Но внутри холодно, будто я и вправду бродила по тому дому в темноте.

Глава 8

Вано

Жар от доменной печи бьёт в лицо, воздух густой от пыли и металла. Рабочие в касках, гул станков — всё это мой привычный мир, где нет места сантиментам и где решения принимаются быстро и четко.

Десять лет назад мой отец сказал на этом же месте, что я стану его преемником. Он выдернул меня из столицы, потому что у него обнаружили проблемы с сердцем, и начал вводить меня в курс дела. Моя Кира поехала без раздумий, хотя дома у нее была своя художественная студия. Но она тогда сказала, что за мной хоть на край света.

Именно отец добился равной доли в металлургическом комбинате. Остальные пятьдесят процентов у Кости Измайлова, которому они также достались от своего отца. Он старше на восемь лет и в нашем тандеме находит инвесторов, ведет переговоры с банками и иностранными партнерами, лоббирует проекты в министерствах. Я же пошел по стопам отца, который всему меня научил. Говорят, я держу завод «в кулаке», отвечаю за производство, дисциплину и безопасность.

Мы идём вместе с Костей по цеху в касках и спецовках. Начальник доменного цеха подходит, здоровается с каждым из нас за руку, но обращается ко мне:

— Вано Давидович, оборудование на третьем участке барахлит.

— Людей поставь на резервную линию, — коротко говорю я. — До конца недели чтобы всё работало. С решением зайдешь ко мне через час.

— Понял. Сделаем, — кивает он и уходит.

Костя смотрит ему вслед, качает головой:

— С годами ты все больше напоминаешь Давида Зурабовича.

— Иначе нельзя, — отвечаю. — Отец говорил: “Металл ждать не будет”. Если печь встанет, убытки будут не в миллионах — в миллиардах.

Он вздыхает, поправляет очки.

— Ты же знаешь, Костя, один срыв — и всё летит к чертям.

Мы поднимаемся на площадку с видом на весь цех. Внизу гремят механизмы, искры летят золотым дождём. Я стою, опершись на перила, и чувствую жар кожи, стук металла, этот ритм завода.

Выйдя из цеха на улицу, зажигаю сигарету, делаю первую затяжку, когда у Кости звонит телефон. Он смотрит на экран и сразу поднимает трубку.

— Ириш, привет, — голос у него мягче, чем в цехе. Любит свою жену больше четверти века. Ровный мужик, от того и Алина выросла такая правильная.

Я отворачиваюсь, давая ему возможность поговорить с женой, но слова всё равно доносятся чётко.

— Алина собралась ехать к себе? Она же всю ночь температурила! Нет, Ириш, не отпускай ее. Пусть будет под присмотром.

Я напрягаюсь. Температурила всю ночь? Значит, все-таки простыла под дождем и все мои попытки это предотвратить, оказались напрасны.

Костя хмурится, бросает на меня взгляд. Я делаю вид, что меня это не касается, но внутри всё сжимается.

— Передай ей трубку, — говорит он и включает динамик.

Через пару секунд я слышу её голос. Сначала неуверенный, потом твёрже:

— Пап, всё нормально. Я правда могу поехать. Не переживай.

Голос дрожит. Мне этого достаточно.

— Доченька, ну побереги себя. Ты же моя упрямая девочка... Не мучай папу и маму.

— Папуль, ну у меня же работа, люди в кофейне. Я должна быть там.

— Ничего с твоей кофейней не случится, если ты два дня отлежишься. Вот Ваню тоже так считает, — он переключается на меня. — Скажи хоть ты ей.

Я не ожидал этого. Откашливаюсь, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Клиенты подождут, Алина. Здоровье важнее.

Костя кивает и снова обращается к дочери:

— Слышала? Даже Ваню говорит: сиди дома.

Тишина. Потом её тихое, усталое:

— Передай ему спасибо.

Делаю глубокую затяжку, чтобы скрыть напряжение. И тут ловлю себя на том, слишком сильно сжимаю кулак. Эта девчонка выводит меня из равновесия. И это может перерасти в большую проблему.

День пролетает незаметно. Костя уехал ещё пару часов назад, а я всё сижу в кабинете, заваленный бумагами. У меня нет семьи и детей, мне некуда спешить и никто меня не ждет так, как его. Поэтому я часто задерживаюсь, как сейчас: подписываю договора, проверяю отчёты, потом отбрасываю ручку и потираю глаза.

Веки тяжелые, но стоит только закрыть их, как передо мной снова встаёт она.

Парная. Запотевшие двери. Тонкий силуэт на горячих досках. Мокрая кожа, светящаяся сквозь пар. Её руки — медленные, нежные — скользят по шее, по животу, по бёдрам.

Я резко выпрямляюсь и кладу руки на стол.

— Блядь, — рычу на себя.

За окном давно темно. В цехах гудят ночные смены, на улице дежурные огни. В голове жгучая злость на себя шумит не хуже печи. Я чувствую, что зверею от этого наваждения.

Хватаю телефон. Набираю номер. Илона отвечает сразу томным, мелодичным голосом:

— Да, Ваню?

— Дома?

— Конечно.

Я сжимаю переносицу, пытаюсь унять напряжение, и коротко бросаю:

— Через полчаса буду. Чтобы была готова.

Она смеётся тихо, понимая, чего я хочу.

— Буду.

Я отключаюсь, убираю телефон в карман, беру пиджак, и не оборачиваясь, иду к выходу.

Глава 9

Вано

Горячая вода стекает по плечам и груди, смывает усталость, но не глушит того жара, что клубится внутри. Я стою под душем, ладонями упершись в холодный кафель, и понимаю: разрядка, которую только что дала Илона, не принесла облегчения. Тело получило своё, а внутри — пустота.

И снова перед глазами встаёт тот образ. Обнаженная девушка, сжимающая тонкими пальцами красивую грудь. Её силуэт живёт во мне, несмотря на любые запреты, и я злюсь на самого себя сильнее, чем когда-либо.

Вода ударяет в виски, но не смывает картину. Я рывком перекрываю кран, хватаю полотенце, наспех вытираюсь и обматываю его вокруг бёдер. Мышцы гудят, но напряжение только крепнет.

Выйдя из ванной, иду в спальню. Илона лежит на кровати, её светлые волосы рассыпаны по подушке, в руках телефон, который она бросает на постель, как только слышит мои шаги. В ней хорошо все: красота, легкость, гибкость. Не задает глупых вопросов, не лезет в дела, не устраивает скандалы и сцены, не метит в жены, потому что знает - я никогда не женюсь.

Илона переворачивается на живот и мягко, словно кошка, подползает к краю кровати, куда я подхожу.

— Я ещё хочу, — её шепот горячий, обволакивающий, и она прижимается к моему боку.

Поднимаю руку, кладу ладонь на ее щеку и медленно провожу пальцем по линии скулы. Илона закрывает глаза и ластиться, едва не мурлычет в ожидании ласки.

Её пальцы легко скользят вниз по моему животу, находят край полотенца и без усилия стягивают его. Илона поднимает взгляд на меня. В нём просьба и покорность одновременно - та смесь, которая всегда устраивала меня и заводила.

Смотрю ей прямо в глаза, сжимаю пальцами её подбородок.

— Можно? — смотря в глаза, спрашивает почти шёпотом.

— Можно.

Её ладонь уверенно обхватывает ствол и проводит по нему вверх и вниз. Илона облизывает губы, не сводит с меня глаз, проверяя, позволю ли я ей следующий шаг.

— Делай.

Она улыбается, томно вздыхает и опускается на кровать. Её покорность и раскрепощенность заводит. Илона знает, что мне нужно именно это: контроль, власть, ощущение, что всё происходит по моим правилам. И она принимает эти правила. С притворным восторгом или нет - мне без разницы. Главное - она делает так, как надо мне. Я закрываю глаза, запрокидываю голову, чувствуя, как напряжение, с которым я жил последние дни, начинает выходить наружу.

— Хорошо, — вырывается у меня, низко, глухо.

Она стонет в ответ, заводясь не меньше меня. Схватив ее за волосы, направляю. Она не сопротивляется, наоборот, полностью отдаётся, подстраивается. Напряжение растёт. В груди гул, дыхание сбивается, тело напрягается до предела, но в последний миг сжимаю её волосы сильнее и отталкиваю.

— Хватит. Перевернись, — рычу низко.

Илона не спорит, глаза горят от желания. Она ложится на живот, я же, сжав тонкую талию, тяну ее на себя, ставлю на четвереньки, а затем вхожу резко и глубоко:

— Да, Вано, — стонет она.

Я двигаюсь жёстко, с силой, каждым рывком выбивая из нее крики. Внутри всё гудит, зверь рвется наружу, а она подчиняется каждому движению.

Кульминация обрушивается мощной волной. Я вдавливаю её в матрас, рычу ей в шею, а она стонет подо мной, извивается в моих руках, словно ломается и рождается заново.

Тело всё ещё дрожит от напряжения, мышцы гудят, словно после тяжёлой тренировки. Я падаю рядом на спину, перевожу дыхание. Илона подползает ко мне, прижимается щекой к груди, пальцами лениво скользит по животу.

— Останься, — мурлычет, обнимая меня за талию. — Ну хоть раз.

Я смотрю в потолок и глажу ее по руке.

— Нет.

Она приподнимается на локте, надувает губки, но улыбка всё равно не сходит с лица.

— Ты бука, Ваню, — притворно обижается, — Холодный, упрямый. Но...красивый и трахаешься шикарно.

Я усмехаюсь.

— Взаимно.

Она удивленно заламывает бровь.

— Ты хвалишь меня? Неожиданно. Даже приятно.

Илона снова прячется у меня на груди, просит погладить еще. Здесь я позволяю ей все, но уже знаю: скоро встану, оденусь и уйду.

Она засыпает быстро, даже не сходя в душ. Но я лежу с открытыми глазами, уставившись в причудливые тени на потолке, и отгоняя мысли, что идут по кругу. Тяжело вздохнув, убираю её руку и сажусь. Илона что-то сонно бормочет, но не просыпается. Я поднимаюсь с кровати, собираю одежду с пола и снова иду в ванную.

Там, в зеркале отражается уставшее и злое лицо. Я провожу ладонью по щетине. В этом взгляде - ни тепла, ни покоя, на которое я надеялся. Спустя несколько минут я стою напротив нее - одетый и собранный - и укрываю одеялом.

Выхожу из квартиры, захлопываю за собой дверь, которая автоматически закрывается на замок.

Ночь темная, одинокая, безлунная. Я сажусь в машину, завожу мотор. Еду сначала по маленьким улочкам, но вскоре выезжаю на проспект. Пустынные перекрёстки, редкие фонари, асфальт блестит от дождя. Давлю на газ. Хочется скорости, шума мотора, любого звука, который заглушит дурные мысли.

Глава 10

Алина

Утро начинается с привычной суеты: кофемашина гудит и шипит, люди, работающие в офисах по соседству забегают за любимыми напитками и нашими фирменными булочками с курагой и миндалем, ребята за стойкой только и успевают принимать заказы. Люблю это время, потому что оно самое активное, как обед и вечер. А между ними будет затишье.

Я сижу за столиком у окна и работаю на ноутбуке. Волосы собраны в небрежный пучок, на лице легкий макияж, но глаза выдают бессонную ночь. Эту ночь я провела уже у себя в квартире, но меня опять знобило. Под утро, когда тело наконец позволило провалиться в дрему, снились какие-то разорванные образы — дождь, машина, чьи-то руки, голос, шепчущий моё имя.

Всё утро держусь на кофе и оптимизме. Проверяю смену, делаю заказ на поставку зерна, разгребаю то, что накопилось, пока болела. Вроде все, как обычно, но внутри я будто изменилась, и это так странно.

Когда звенит дверной колокольчик, я поднимаю голову и вижу на пороге Милу. Она стоит в своем безупречном тренче, с распущенными волосами и растерянным выражением лица.

— Привет, — машет рукой и подходит к столику. — Можем поговорить?

— Зачем? — мой голос звучит холодно, даже для самой себя.

Мила сжимает ремешок сумки и садится напротив.

— Алина, пожалуйста. Я знаю, что ты мне не веришь, но я не знала, честно. Руслан просто попросил свести вас, чтобы вы поговорили. Я не думала, что он...

— Что он попробует меня силой взять? — шепотом обрываю, чувствуя, как внутри всё кипит. — Мила, вот когда ты окажешься на моем месте, я на тебя посмотрю.

— Он сказал, что хочет извиниться! — восклицает она тихо, но с надрывом. — Я думала, что всё это глупость, что вы просто поговорите...

— Всё, Мила. Я не хочу это вспоминать.

— Но ты ведь не сказала отцу? — она говорит уже осторожнее, как будто боится услышать ответ.

Я поднимаю глаза.

— Нет. И не скажу. Я не хочу, чтобы он знал.

— Пожалуйста, не говори. У него и так проблемы. Папа наседает.

— Мне вообще все равно на вашу семью. Бог отвел. Я не хочу с тобой общаться, Мила.

— Ты несправедлива, — бледнее она.

— Возможно, — отвечаю устало. — Но у меня нет больше сил быть доброй.

Мила кивает и встает.

— Ладно, — шепчет. — Прости.

Когда дверь за ней закрывается, я опускаю крышку ноутбука и потираю глаза. Всё возвращается: тот вечер, дождь, страх, его голос, его руки, и... страшно подумать.

Я поднимаю взгляд на окно, где отражается мое лицо. С Русланом мы встречались несколько месяцев, хотя я знала его давно - он на год старше нас с Милой. После его измены, я увидела его истинное лицо, а сейчас у меня к нему лишь отвращение. То чувство влюбленности давно развеялось и слава Богу.

Кофейня работает до десяти, но я обычно ухожу в семь - восемь. Сегодня задерживаюсь, потому что отпустила бариста - у нее на съемной квартире лопнула труба, соседей затопило.

Кухня час назад закрылась, две девочки - официантки переодеваются. Сейчас я выгляжу не как владелица маленькой кофейни, а как обычная сотрудница. Протирая стойку тряпкой, слышу, как звенит колокольчик.

Глаза не поднимаю — поздно, наверное, кто-то зашёл купить кофе на вынос.

— Добрый вечер, — звучит знакомый хрипловатый голос.

Перевожу взгляд на гостя и застываю. Ваню стоит у входа, в темном костюме. Как всегда одет с иголочки.

— Здравствуйте, — выдыхаю я, и голос срывается. — Мы уже закрываемся.

— Я вижу, — он подходит ближе, шаги гулко отдаются в тишине кофейни. — Но раз уж зашёл... можно кофе?

Нас разделяет всего лишь стойка. И хорошо, что он не может слышать, как громко стучит в этот момент мое странное, слабое сердце. И я опять спрашиваю себя: почему? Как так могло случиться, что меня к нему необъяснимо тянет?

— Можно, — отвечаю, сжимая тряпку в руке. — Какой?

— Черный, — отвечает Ваню, не сводя с меня глаз.

— Проходите за столик. Я сейчас сделаю.

— Сама?

— Да, — киваю.

Ничего не ответив, он идет к столу, а я разворачиваюсь и, зажмурившись, щипаю себя. Это же снова сон, да? Просто сон? Но нет, ничего не действует, потому что Ваню никуда не ушел. Он сидит здесь и ждет свой кофе. Только бы не облажаться от волнения.

Повернувшись к кофемашине, включаю помол. Шум дробящихся зёрен заполняет тишину, и мне становится чуть легче, будто за этим звуком можно спрятаться.

На полке над кофемашиной стоят белые чашки. Я беру одну дрожащей рукой, ощущая как по затылку расползлись мурашки. Даже так чувствую на себе его взгляд и в голове сразу столько вопросов. Зачем он пришел? Что ему нужно? Почему я так на него реагирую?

Снимаю холдер, утрамбовываю кофе, ставлю обратно. Поток густого ароматного пара поднимается вверх, заполняя пространство приятным запахом. Я чувствую, как сердце колотится. Каждое движение словно под прицелом его взгляда.

Когда все готово, ставлю чашку на поднос, стараясь, чтобы руки не дрожали.

— Ваш кофе, — говорю, подходя к столику.

Он поднимает глаза. В этом взгляде сила, уверенность, и что-то ещё, что не даёт мне нормально дышать. Я ставлю чашку перед ним, чувствую запах его парфюма, и грудь предательски распирает от странного ощущения.

— Спасибо, — произносит он спокойно, но голос звучит ниже, чем обычно. — Садись.

— Простите? — я машинально выпрямляюсь.

— Сядь, — повторяет мягче, но всё так же безапелляционно. — Поговорим.

Я колеблюсь. В голове тысяча «нельзя» и одно «а вдруг». Девочки-официантки в этот момент как раз выходят из служебной комнаты, смеются и прощаются со мной. Я поворачиваюсь, машу им в ответ и понимаю, что в кофейне теперь пусто, а за окнами темно.

— У меня еще дела, — бормочу я и смотрю на его пиджак, который он повесил на спинку соседнего стула.

— Пять минут.

Я опускаюсь на стул напротив - в ногах правды нет.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает.

— Лучше, спасибо.

Он поднимает чашку, делает первый глоток, после чего одобрительно кивает и ставит ее обратно. На миг кажется, что разговор закончился. Но нет, его взгляд не отпускает.

Я пытаюсь сосредоточиться на чем угодно: на блеске столешницы, на тихом жужжании холодильника, на паре световых бликов в окне. Только не на нём.

Бесполезно.

— Удачное место, — говорит он вдруг. — Хороший дизайн.

— Я...старалась, — отвечаю тихо.

— Ты молодец. Правда, — кивает он, медленно вращая чашку в руках.

— Вы специально приехали мне это сказать? — голос дрогнул.

— Хотел убедиться, что у тебя всё в порядке. И посмотреть на твое детище.

— Если честно, — не громко смеюсь, пытаюсь скрыть за этой реакцией волнение. — Сейчас смотреть не на что. Никого нет, витрины пустые. А вот утром, в час-пик у нас интересно, много народа, булочки, сэндвичи и все в таком роде.

— Извини, на работе задержался, — усмехается, подносит чашку к губам. Я не знаю, зачем смотрю, как он пьет, но это дико...привлекательно. — Как-нибудь приду с утра.

— Придете? — удивленно гляжу на него.

— А ты против?

— Нет, — уголки губ слабо тянутся вверх. — Приходите. Я всегда вам...рада.

— Ты уже все? — спрашивает, поставив чашку на блюдце.

— Да, только осталось все выключить и закрыть.

— Подвезти тебя?

— Я на машине.

Он молча кивает, тянется к пиджаку и достает из внутреннего кармана портмоне.

— Кофе за счет заведения, — опережаю его.

— Так не пойдет, — Ваню хмурится.

— Я уже закрыла кассу, — пожимаю плечами. — И еще вы заплатили за ремонт моей машины. Кстати, сколько я должна?

— Нисколько.

— Так не пойдет.

Он несколько секунд держит мой взгляд, хмыкает, встает из-за стола, и я поднимаюсь вслед за ним.

— Я подожду тебя, закрывай, — Ваню надевает его.

— Зачем вы меня подождете? — смотрю на него в недоумении.

— Провожу до машины. Уже поздно.

Между нами все так тихо, медленно и странно. Я смотрю на него снизу вверх и кажусь сама себе маленькой, слишком юной, дурочкой даже. И вдруг я с четкой уверенностью понимаю, как меня к нему тянет.

Это катастрофа. Полный провал. И только бы он этого не понял.

— Хорошо.

— Я на улице, — говорит он и идет к выходу.

Когда за ним закрывается дверь, я убираю чашку со стола и ополаскиваю его в раковине. Еще раз все проверив, бросаю взгляд на окно и вижу, как Ваню стоит спиной ко мне и курит. Никогда не видела его курящим, но это...чертовски по-мужски красиво.

Он стоит чуть в стороне от входа, возле фонаря. Свет падает сверху, выхватывая из темноты широкие плечи, строгий профиль, тонкую струйку дыма, которая растворяется в прохладном воздухе.

Я спешно опускаю глаза, надеваю джинсовую куртку, вешаю через плечо сумку на длинном ремешке и выхожу.

Ваню тушит окурком о круглую пепельницу, встроенную в крышку урны.

— Готова? — спрашивает спокойно, пока я поворачиваю ключ в замке.

— Да, — киваю.

Мы идём рядом до улицы, вдоль которой припаркована моя машина. Шаги по мокрой брусчатке звучат для меня слишком громко. Мне и неловко, и хорошо, спокойно одновременно. Думала ли я когда-нибудь, что буду гулять рядом с ним и вот так молчать? Никогда.

И никогда не думала, что буду так взволнована от одного его присутствия. Что же со мной творится, Боже? Я падаю, как Алиса, в какую-то неизведанную нору. Но какое заманчивое и одновременно опасное это приключение.

— Машина рядом? — голос хриплый, будто простуженный.

— Вон там, — показываю рукой.

— Нормально ребята все сделали? Если что не так, скажи, заставлю переделать.

— Нет, что вы! Все отлично.

Мы подходим к моей ласточке и я нажимаю на кнопку брелока. Открываю дверь, но не сажусь в салон, а схватившись за край, смотрю на Ваню и позволяю себе улыбнуться.

— Спасибо, что проводили.

— Не за что, — коротко говорит он. — Доброй ночи.

— И вам.

Никаких лишних движений, ни взгляда, который мог бы выдать мои чувства. Только лёгкий кивок, привычная сдержанность, и та самая невидимая стена, что делает его таким спокойным и недосягаемым.

Я сажусь в машину, завожу двигатель. Он стоит рядом, пока я не трогаюсь, и только потом поворачивается и уходит. Медленно, уверенно.

Смотрю ему вслед через стекло. Никаких слов, никаких знаков. Только холодный вечер, фонарь и след дыма, который ещё долго не рассеивается.

Глава 11

Вано

Не собирался к ней. Честно. Рабочий день вымотал до предела, и я мог просто поехать домой, налить себе виски и забыть обо всём.

Но вместо этого я здесь, у её кофейни. Потому что мысли об Алине с каждым днём становятся всё навязчивее. Потому что я хотел её увидеть.

Алина стоит у кофемашины — сосредоточенная, тихая, с этими своими дрожащими пальцами. Я помнил их — тёплые, тонкие. И это выражение лица: смесь растерянности и упрямства. Она отворачивается от меня, но я чувствую, как напряжена под моим взглядом. Запах свежемолотого кофе, смешавшись с её ароматом, вырубает во мне всё, кроме одного желания — остаться.

Я смотрю, как Алина ставит чашку передо мной и прячет глаза. Говорит спокойно, а на щеках проступает лёгкий румянец от смущения.

Девочка, ты сама, наверное, не понимаешь, как это действует на мужчин. На меня.

В ней нет ни кокетства, ни игры — только настоящее. От её улыбки всё внутри сжимается. Она выросла. И мне всё сложнее находиться с ней рядом, потому что она прекрасна, и я хочу её. Держу себя, но хочу забрать себе.

Теперь вот стою, курю. Дым бьёт в глаза, но не помогает расслабиться. Когда она выходит и кутается в куртку, во мне что-то окончательно ломается.

Маленькая, хрупкая девочка — девушка, женщина, но с характером. Мне нужно к ней прикоснуться, но нельзя. И это наваждение, начало одержимости и запретного чувства, которого не может быть.

Я любил однажды и навсегда. Кира была младше на пять лет — такая же лёгкая, воздушная, с шоколадными волосами и карими глазами, которые я называл медовыми. У нас всё быстро закрутилось, и через два месяца после знакомства мы поженились. Время с ней — самое счастливое в моей жизни. Именно Кира вытащила из меня любовь и нежность, которые я прятал очень далеко и глубоко. После её смерти я провалился в работу, потому что отец сказал, что только так я не сойду с ума. А через пять лет ушёл и он.

Женщины после Киры у меня были. Но ни одну я не впускал ни в голову, ни в сердце. Там было место только для жены.

А теперь... Теперь я запутался, я в смятении, я не понимаю, как в мою голову и сердце пробралась дочь Кости. Этого не должно было случиться.

Мы с Алиной идём к машине и молчим. Открыв дверь, она благодарит, улыбается. Я киваю, сдерживаясь изо всех сил. Не тронуть, не сказать ничего лишнего. Потому что одно неверное движение — и всё. Назад дороги не будет.

Но эти губы... вашу мать... эти пухлые, розовые губы до безумия хочется поцеловать и попробовать на вкус.

Когда она уезжает, стою ещё долго. Сигарета догорела, пальцы пахнут дымом. В воздухе запах весны. Если я продолжу в том же духе, то сорвусь и похерю всё, что строил мой отец и я годами. Похерю дружбу с Костей и свои принципы.

Но что делать, если желание взять её сильнее всего остального?

На следующий день мы с Костей обсуждаем договор с китайцами. На столе — кипа бумаг, ноутбук, графики. Воздух в кабинете плотный от запаха кофе и табака. За окном — шум вечернего города, а мы засиделись допоздна, только что отпустив финансового директора и начальника юридического отдела

— Если китайцы всё-таки подпишут на этих условиях, — Костя откидывается в кресле, снимает очки, — у нас будет плюс двадцать процентов по выручке в следующем квартале.

— Подпишут, — отвечаю, глядя в таблицы. — Им нужна стабильность, а мы — единственные, кто её может гарантировать.

Он кивает, но в голосе сквозит сомнение.

— Всё равно тревожно. Они долго мнутя, а Чэнь слишком осторожен.

— Потому что умный, — сухо говорю. — Перестраховывается. Слетаю туда на следующей неделе — и всё пойдёт быстрее.

Костя усмехается, закрывает папку:

— Снова на амбразуру лезешь. Нашли тебе переводчика?

— Да. Там, на месте, парень из наших, учится в местном университете.

— Парень? А чего не девушка? — хмыкает Костя. — Глядишь, и...

— Нет, — хмуро отвечаю, встаю и прохожу к окну, разминаю плечи, смотрю на огни за стеклом. — Закроем тему.

Он смеётся:

— Молодец, Ваню. Ровный ты мужик. Но жениться тебе надо.

— Я больше не женюсь.

— А зря, — ворчит он, а потом его взгляд внезапно проясняется. — Слушай, а давай в субботу к нам на шашлыки. Гена с семьёй будут, Иришка с Алиной наготовят, посидим, отдохнём.

— Не уверен, что выберусь.

— Хватит, — отмахивается он. — Договор с китайцами ты и так отработываешь по максимуму. Можно один вечер пожить, как нормальный человек. И так тебя на охоту не вытащишь — в последний раз с Генкой одни поехали.

Я молчу, а он внимательно смотрит на меня и вдруг добавляет тише:

— Ваню, я же знаю тебя. Если ты не остановишься, сгоришь к чёртовой матери.

— Не драматизируй.

— Тогда просто приезжай. Без повода. Как друг.

Как друг... Костя, если б ты знал, почему я к тебе не еду. Я хочу, очень хочу — но ради твоей дочери, за которую ты, помнится, обещал бошки рубить.

— Хорошо, — говорю наконец. — Посмотрим.

— Ага, знаю я твоё «посмотрим», — он встаёт, застёгивает пиджак. — Считаю, это приказ. Суббота, в два часа. Не подведи, Ваню.

Я усмехаюсь, и мыжимаем друг другу руки. И вроде я не сделал ничего плохого и не пересёк границы, но почему-то чувствую себя виноватым.

Кто подписан на мой ТГ канал, уже знает, как выглядит Кира. Кстати, подписывайтесь, у меня интересно.

Пасхалочка - обратите внимание, кто нарисован на картине сзади.

Еще один грозный пирожочек

Но посмотрите, как смотрит на него Алина

Глава 12

В дом Измайловых я заезжаю чуть позже двух. Субботнее майское солнце всю печёт. Воздух наполнен запахом дыма, свежей зелени и мяса на углях.

Первыми меня встречают двойняшки — Даша и Артём, младшие дети Кости и Иры, старшекласники. С пацаном здороваемся по-мужски, а Дашка машет и улыбается. В отличие от своей старшей сестры, она никогда не боялась меня, а охотно протягивала руку, когда я приходил с подарком.

— Дядь Вань, — смеётся она и указывает взглядом на пакет с вином. — Вы как всегда не с пустыми руками.

— Это для взрослых, Даш, — хмыкаю я, целуя её в щёку.

Алина в возрасте Даши не была такой общительной и не подпускала к себе. Она до сих пор — полная противоположность младшей сестры.

— Эх, жаль, — вздыхает Даша и поворачивается к дому. — Папуль! Пааап! — кричит. — Дядя Ваня приехал!

— Иду! — слышу в ответ, и через минуту из-за живой изгороди выходит Костя со своим близким другом Геннадием.

— Тёмка, ну-ка иди Мише помоги, последите за мясом, — велит хозяин дома и, довольный, направляется ко мне. — А вот и наш отшельник! Думал, опять сольёшься.

— В этот раз не получилось, — жму ему руку.

— Ну наконец-то! — подходит Гена и тоже протягивает ладонь. — Сколько лет, сколько зим.

— Рад видеть.

— Идём к мангалу. А то эти гаврики сейчас всё нахрен спалят, — усмехается Костя, и я следую за ними. Но именно в этот момент из дома выходит она.

Без спешки, изящно и легко ступает босыми ногами по деревянному полу, запрыгивает в шлёпки и спускается с лестницы. В руках — стеклянный графин с лимонадом. Белые шорты, голубая рубашка без рукавов, завязанная на животе, а между тканью — тонкая полоса кожи, чуть загорелой, сияющей в солнечном свете. Волосы распущены, пышные, волнистые.

Разговоры вокруг гаснут. Моя немногословность сейчас мне на руку. Алина замечает меня, замирает, потом быстро прячет глаза, делает вид, что занята, но губу прикусывает.

— Алиночка, поставь сюда, — говорит Ира, указывая на стол. Повернувшись, она видит меня и радостно срывается с места, прихватив за руку дочь.

— Ваню! Как хорошо, что пришёл! Какой молодец, — говорит Ирина, подойдя к нам.

— Вот, наконец, я его вытащил, — Костя обнимает жену за плечи, а их старшая дочь скромно стоит, держа руки перед собой.

— Алина, — не сдержавшись, начинаю первым. В душе — ураган от её красоты и свежести, которого я сам не ожидал. И я мог бы пожалеть, что пришёл, но нет, не могу.

— Здравствуйте, Ваню Давидович, — ровно отвечает она, убирая прядь за ухо.

— Как дела?

— Всё хорошо, спасибо. А ваши?

— Потихоньку.

— Ваню в понедельник летит в Китай, — Костя уже весёлый, разговорчивый. — А я его перехватил сегодня.

— Ты молодец! — хвалит его Ира, и я в который раз убеждаюсь, что с женой ему несказанно повезло. — У нас уже всё готово, а у вас?

— Ой, бл... — Костя бьёт себя по лбу. — Мясо! Ирочка, шас всё будет, душа моя. Мужики, давайте, помогите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.